

УДК 316.4.063

ПОЛИФОНΙΑ ЖЕСТОКОСТИ СОЦИАЛЬНОГО

Илья Дышлевой

e-mail: dyshlevyi@gmail.com

В статье рассмотрены основные плоскости превращения прав человека как социальной ценности и юридическо-политического концепта в основания возможностей и условий, сужающие (а иногда и вытравливающие) социальные потребности, интересы, ожидания и ценности как отдельных личностей, так и социальных общностей. Исходя из этого, автором рефлексированы ценностные и экзистенциальные истоки, а также нравственные и глубинные антропологические содержательные смыслы прав человека. Жестокость ансамбля отношений неравенства, образующего социальное, очень часто лишает акторов в современных обществах реального обеспечения прав человека и глубинных нравственных позиций в целом. Выделяются и концептуализируются три плоскости полифонии жестокости социального, в которых субстанционально ограничиваются и самоопределяются социальные субъекты: социально-правовая, социально-политическая и межличностная, в том числе и сексуальная, сферы социальных отношений. Особое внимание уделяется плоскости близких межличностных и сексуальных отношений в обществах.

Ключевые слова: права человека, жестокость социального, плоскости социальных отношений, общества модерна (модерные общества), модернизирующиеся общества, социальные ценности, свобода, любовь.

Соотношение общественного и индивидуального издревле является философским вопросом. Социальное, вертикально и горизонтально пронизывающее, скрепляющее и упорядочивающее общественное, общество выступает всепоглощающими рассеянными и сопряженными друг с другом неравными статусно-ролевыми и ресурсными в целом позициями акторов (самых разных личностей и социальных общностей) в различных идейно-образных, дискурсивно регулируемых и предметно ориентированных отношениях между всеми людьми – правовыми, политическими, культурными, экономическими, этническими, религиозными отношениями, составляющими общественные отношения. Именно соотношение социального и личного представляет собой фундаментальный вопрос социальной философии, теоретической социологии, социологии права и политической социологии с точки зрения рефлексии свободы как интегрального субстанционального качества общества как тотальной социальной системы.

От соотношения социального и индивидуального зависит все развитие человеческой цивилизации. Вопреки поверхностной и просвещенческой убежденности представителей либерализма и неолиберализма в примате индивидуального над групповым, коллективным, общинным, институциональным в обществах модерна, социальное – это тотальная и всепоглощающая, в том числе и индивидов, личностей и индивидуальностей, реальность. Полифоничная жестокость социального охватывает чуть ли не все сферы и области человеческого бытия в сети регулируемых и контролируемых различными формами власти неравных отношений и взаимодействий, направленных на извлечение и получение людьми разнообразных удовольствий, комфорта и удобств в обмен на сильные и крайне разветвленные зависимости.

Проблемная ситуация исследования заключается в полифоничном несоответствии естественно-правовых требований свободы личности, структурно определяемой через лю-

бовь, созидание, творчество, равенство возможностей и чувства долга (в ценностном и активно-деятельностном измерениях), реалиям социальных отношений и взаимодействий, жестоко (с нравственных и экзистенциальных позиций) погружающих как отдельных людей, так и целые социальные общности в безжалостную гонку за жизненным успехом, предполагающим доступ к эмоционально-чувственным, телесным, сексуальным, интеллектуальным благам и удовольствиям, а также к прагматичной пользе, связанной с реализацией потребностей и интересов, ориентированных на улучшение (с позиции социальных субъектов) условий и возможностей социальных сред своего обитания, свою самоактуализацию. Данная статья является социально-философской и теоретико-социологической работой одновременно, в ней сформулированы концептуальные основы дальнейшего изучения обозначенной проблемной ситуации в рамках теоретической социологии, социологии права и политической социологии.

Актуальность проблемы исследования состоит в необходимости достижения понимания в философском, научном, правовом, политическом и публичном *дискурсах*, являющихся способами выработки представлений о социальном мире и о мире вообще, а также совокупностями знаний об обществе и универсуме в целом, используемых в качестве форм знания-власти для оправдания власти перед социальными субъектами и ее применения, путей снижения нравственного и экзистенциального (интимно-духовного и душевного) напряжения между стремлениями акторов к подлинной свободе и жестокостью социального. Под *подлинной свободой* понимается интегральная характеристика социального, приводящая акторов не просто к жизненному успеху, но и к счастью в контексте их автономного следования нравственным ценностям, содержательно объединенными чувством долга. Полифоничная жестокость социального лишает различных людей и социальные общности возможностей, условий и перспектив обретения ими именно такой свободы.

Проблема должного и сущего в обществе особо артикулируется в древнегреческой философии. Необходимость единства частного и общего, гармонии между ними подробно рассматривается в древнеиндийской философии. в экзистенциальной философии, экзистенциальной психологии и психоанализе вопрос о смысле жизни человека в жестоком и чуждом для него социуме поднимается и анализируется довольно широко. в социологической концепции сверхсистем культуры *Питирима Сорокина* говорится о губительных для человеческой нравственности гедонизме и прагматизме современных обществ. в социологической теории власти *Мишеля Фуко* выделяются и рефлексированы различные технологии власти, вовлекающие социальных субъектов в современных обществах и в обществах,двигающихся в сторону их модели устройства, в жестокое пространство тотального контроля и надзора со стороны государственных, политических, коммерческих и некоммерческих структур социума, что обеспечивается дискурсами о правах человека и демократии.

Цель данной статьи заключается в описании и характеристике основных проявлений полифонии (понимаемой как содержательная, структурная и формальная множественность) социального в социально-правовой, социально-политической плоскостях общества, а также в плоскости близких межличностных отношений в обществе, включающих в себя и сексуальные отношения, а также в выделении и обозначении особо болезненных общих форм проявления жестокости социального в ракурсе экзистенциальных ситуаций.

Жестокость социального в правовой и политической плоскостях общества

Во второй половине XX века общества модерна сформировались в Соединенных Штатах Америки, Канаде, государствах Западной и Северной Европы, ряде стран Центральной Европы (в Польше, Чехии и Венгрии данные общества возникли в конце XX века – согласно социологическому подходу Кристиана Херпфера), а также в Израиле,

Австралии, Новой Зеландии и Японии [1, с. 130–131]. в начале XXI века современные общества сложились в Эстонии, Латвии и Литве. Причем среди прибалтийских стран выделяется Эстония, о чем, в частности, свидетельствует наличие с 2016 года у однополых пар узаконенной возможности заключать наряду с разнополыми парами гражданские партнерства. При этом гомосексуальные пары должны иметь узаконенное право на заключение брака, который, помимо прочего, предполагает право на усыновление ребенка (детей) как одного из партнеров, так и со стороны, что законодательно признано во многих современных обществах. Под *обществом модерна (модерным обществом)* можно понимать всеобъемлющую социальную систему с юридически признанными естественными правами человека, наличием процедурной демократии, представляющей собой инструменты обеспечения и реализации прав человека в ракурсе вовлечения акторов в разнообразные формы зависимости. Также *обществам модерна присущи следующие качества*: противодействие государства социальной стигматизации и дискриминации; развитый политический плюрализм; юридически защищаемые поликультурность и поликонфессиональность в условиях полиэтничности; социально ответственная рыночная экономика; высокое качество образования, подтверждаемое образованностью и профессиональной компетентностью; обширное гражданское общество, стержнем которого выступают международные и национальные неправительственные организации.

Жестокость социального проявляется и в отсутствии инструментов реального обеспечения прав человека – в неразвитости или полном небытии в модернизирующихся и домодерных обществах *процедурной демократии*. Это образует выраженность жестокости социального *в социально-правовой плоскости общества*. Одним из ярких примеров отсутствия процедурной демократии является *безработица*. в Украине, а также в значительном числе других модернизирующихся стран поиск работы людьми, желающими трудиться, превращен преимущественно в самый настоящий розыгрыш и «развод» на деньги, затраты физических, эмоционально-чувственных, интеллектуальных сил и времени. Эти тяжелые социальные процессы и явления в Украине, России, Беларуси и целом ряде других переходных государств усугубляются тем, что большинство незанятых людей, мотивированных работой, имеют высшее образование (а некоторые из этих людей получили два высших образования и даже больше). При этом лишь незначительная часть безработных обладают не только каким-либо формально подтвержденным образованием (в частности, высшим образованием /высшими образованиями, учеными степенями), но и *образованностью* (теоретическими и прикладными компетентностями, креативностью и инновационным потенциалом). Без крепких личных связей и участия в финансовых социальных коммуникациях (часто состоящих из коррупционных взаимодействий) найти не только легальную и более или менее сносно оплачиваемую работу, но и нелегальную работу с присущим ей отсутствием каких-либо юридических гарантий той или иной оплаты труда становится в весьма значительном числе случаев невозможным. в более мягких формах эти тенденции бытуют и в обществах модерна (но непостоянные жители, люди, работающие нелегально, как правило, слабо защищены государством, законодательством и правоприменением).

В социально-политической плоскости как отдельные люди, так и социальные группы, сообщества, аудитории не борются за права человека, руководствуясь в массе своей не некими нравственными принципами и требованиями, а прагматичными желаниями обретения власти (и сопряженным с ней доступом к социально значимым ресурсам), известности и популярности, получения заработка, улучшения социальных возможностей и условий собственных сред обитания в социуме (структурируемых по идентичностям и социокультурным системам, сферам социальной активности и деятельности). *Борьба за*

права человека в современных социумах прагматична и гедонистична по своей сути. Вера личности в права человека как в идейно-нравственную субстанцию, экзистенциальная причастность к ним, борьба отдельных людей и социальных общностей за права человека как восстание духа против проявлений несвободы и несправедливости в массовом сознании и даже в дискурсах современных обществ расцениваются как выражение наивности. а *наивность* обычно оценивается в публичном дискурсе в качестве центральной составляющей инфантильности, детскости, мешающей социальному выживанию и социальной адаптации акторов и превращающей их в «странных» чужаков.

Религиозную веру и церковь, а также этнический язык можно рассматривать как базисные основания этничности, поэтому их сохранение является крайне значимым способом «взвешивания» требований общественной модернизации с точки зрения личностно-ментальных качеств жителей той или иной конкретной страны. Еще следует учитывать социально-исторический прием, выработанный и воспроизводящийся тоталитарными политическими режимами, который заключается в социальном размывании религиозных и языковых основ этносов для укрепления властного надзора и контроля над ними, а также для их интеграции в привилегированный этнос. Гонения государств, основанные на неприятии религиозно-конфессиональных идентичностей и организаций, этнических языков являются одними из наиболее болезненных для развития этносов в качестве наций проявлений жестокости социального.

Жестокость социального в плоскости близких межличностных и сексуальных отношений, причастных к обществам

Особо изощренной выступает жестокость социального в плоскости близких межличностных отношений, которая включает в себя и сексуальные отношения. в надеждах и ожиданиях значительного числа людей именно эта область социальных отношений и взаимодействий может и должна быть «отдушиной» для человека, пространством, в котором человеческая личность может формировать и проявлять свою подлинную, ценностно наполненную индивидуальность. в контексте сущего близкие межличностные и сексуальные отношения психологически, по сути, экзистенциально травмируют акторов, приводят их к окончательным разочарованиям в нравственных ценностях и проистекающих из них естественных правах человека. Окончательными циниками и правовыми нигилистами люди становятся именно из-за несчастной любви, разрушения семьи, отсутствия перспективы создания собственной семьи, предательства, сексуальной неудовлетворенности, агрессии (и физического насилия тоже), душевного одиночества, поверхностности и жестокости в целом в рамках близких межличностных и сексуальных отношений, взаимодействий.

Социальная ценность *любви* в современных обществах, как и многие другие ценности, искажена; ее подлинный смысл, связанный с творчеством, свободой, жертвенностью и чувством долга, подменен представлениями о преходящих удовольствиях, жгучей страсти и эмоционально-чувственной зависимости. Нередко искренняя любовь в исковерканных жестокостью социальных взаимодействиях и отношениях в целом воспринимается в массовом сознании и даже в различных дискурсах в качестве патологической зависимости, болезни, слабости воли, как нечто, делающее человека смешным и униженным. Часто человек, чья душа еще не поглотилась без остатка гедонизмом и прагматизмом, жаждет любви, желает любить и быть любимым, причем уже становятся маловажными личные качества того человека, с которым хоть в какой-то мере возможен любовный роман (при этом любовные искания личности могут охватывать одновременно двух и более человек). *Владимир Набоков* в своем романе «Лолита» описывает эту экзистенциальную бездну исканий такими словами: «Одиночество разжигало меня. Я нуждался в обществе и уходе.

Мое сердце было истерическим, ненадежным органом. Вот как случилось, что Рита вошла в мою жизнь» [2, с. 331]. Отдельные люди в силу сильной самостигматизации еще полагают, что они не «заслуживают» любви, что у них не может быть серьезных личных (в смысле любовных) отношений в силу наличия у них тех или иных заболеваний (например, вируса иммунодефицита человека, рака, туберкулеза, гепатита), их социального происхождения, социально-классовых и иных социально-статусных позиций в обществе. Но согласно христианским и либеральным нравственным представлениям о человеке все люди достойны обрести *дар любви*, который во многом открывает для человека дары свободы, счастья, творчества. Главное – *верить* в существование этих феноменов, являющихся вкупе и чувствами, и ценностями.

Полифония жестокости социального и генеалогия социальной стигматизации

Особыми испытаниями для веры и любви, образующих вместе с чувством долга и творчеством подлинную свободу человека, являются *социальная стигматизация* (отторжение и неприятие определенных людей и социальных общностей, проистекающие из безнравственного по своей природе осуждения) и *социальная дискриминация* (ограничение и ликвидация возможностей акторов неправовыми способами, в том числе и через неправовые с точки зрения естественно-правовых концепций нормативно-правовые акты), подкрепляемые на индивидуально-психологическом и социально-психологическом уровнях *самостигматизацией*. Под покровом чувств вины и неполноценности самостигматизация активно внедряется в самосознание акторов (как отдельных людей, так и целых социальных групп) убогим и безнравственным по своей природе *осуждением*, исходящим как от повседневного знания и повседневных установок, так и от политического, правового, религиозного, психиатрического дискурсов, широко публично артикулируемых в обществе. На уровне повседневного сознания, а также в контексте публичного дискурса (что для современных обществ уже является большой редкостью) присутствует социальная стигматизация людей гомосексуальной ориентации, бисексуалов и трансгендеров (среди трансгендеров прежде всего страдают транссексуалы). Социальная стигматизация данной социальной общности *ЛГБТ (лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров)* особенно сильна в модернизирующихся и домодерных обществах, в которых она перетекает в социальную дискриминацию, нередко юридически закрепляемую (это как раз одно из ответвлений неправовых законов). Очень трагичными являются социальное положение и социально-психологическое самочувствие *людей, живущих с ВИЧ/СПИДом (вирусом иммунодефицита человека /синдромом приобретенного иммунодефицита)*. в современных обществах ситуация с социальной стигматизацией и дискриминацией на институциональном уровне во многом решена, но в разрезе «бытовых» коммуникаций она все еще имеет место быть. Особо тяжелой является многомерная (например, двумерная, трехмерная и более) социальная стигматизация и дискриминация, то есть осуждение, притеснения, ущемления социального субъекта в правах человека одновременно по нескольким основаниям по причине его принадлежности сразу к двум или более социально уязвимым общностям. Примером может служить социальное положение ВИЧ-положительного гея, страдающего алкоголизмом, не имеющего работы и денежных средств для жизни. Трагично еще то, что внутри социально стигматизируемых и дискриминируемых групп «травят» осуждением, отсутствием эмпатии, агрессией, насилием и изоляцией «своих» же, например, ВИЧ-положительные геи не принимаются многими в среде гомосексуалов и в социальной общности ЛГБТ вообще [3]. При этом необходимо отметить распространенность психологического садизма и непрофессионализма среди психологов, психотерапевтов, психоаналитиков и психиатров. Социальная стигматизация и порождаемая ею социальная дискриминация, трагично и без-

жалостно загоняющие людей в разные «углы» и «темницы» жизни, являются одними из серьезнейших тотальных форм проявлений жестокости социального.

Множественность образов и стилей жизни полностью вписывается в контекст структурной гетерогенности обществ потребления, которыми являются общества модерна и модернизирующиеся общества. Очень часто для многих людей *образы и стили жизни* служат важнейшим способом симулирования собственных идентичностей и самости в целом. Социальные сообщества и круги, мода и досуговые практики служат «лоном» для образов и стилей жизни. Особо характерными являются гендерные образы и стили жизни, которые то смешивают, то разъединяют социально конструируемые *маскулинность и фемининность*. Например, мужчины-метросексуалы во многом обладают андрогинными чертами и качествами в рамках приближения маскулинности к фемининности, а сравнительно недавно обозначившиеся в качестве отдельной социальной категории людей мужчины-ламберсексуалы демонстрируют нарочитую брутальность и автономную мужественность в ареале отдаления маскулинности от фемининности, причем ламберсексуалами могут являться также геи, бисексуалы, транссексуалы female-to-male (FtM) и даже транссексуалки male-to-female (MtF). Гендер – это крайне пластичное социальное качество акторов, а наиболее социально адаптивной в информационных и постиндустриальных обществах, к которым относятся современные общества, является *андрогинность* и мужчин, и женщин, и транссексуалов [4, с. 222–223].

Жестокость социального как источник экзистенциальных тупиков

Рэй Брэдбери в своем романе «Смерть – дело одинокое» с помощью череды убийств одиноких людей, смирившихся со своим одиночеством, не верящих в то, что они обретут любовь спутника жизни, пребывающих в унынии и принятом ими несчастье, художественно иллюстрирует большую экзистенциальную опасность для человека жизни без любви и духовно наполненных близких личных отношений. Вот гневное обращение молодого писателя к серийному убийце: «Искали несчастных одиночек, – дыхание вырывалось из моей груди, как бой барабанов, – несчастных одиночек» [5, с. 348]. Экзистенциально одинокого человека (а им может быть и человек, состоящий в иллюзорных моногамных или полигамных интимных отношениях) подстерегают очень болезненные удары судьбы, которые со временем этот человек перестает ощущать, привыкая к ним. Люди теряют веру в любовь, во что-либо светлое вообще, теряя живые коммуникации друг с другом, отказываясь от чтения книг, что *Рэй Брэдбери* показал в своем романе «451 градус по Фаренгейту». Девушка *Кларисса*, фигурирующая в этом произведении, не принимает такого порядка вещей в обществе и высказывается следующим образом: «У меня нет друзей. И это будто бы доказывает, что я ненормальная. Но все мои сверстники либо кричат и прыгают как сумасшедшие, либо колотят друг друга. Вы заметили, как теперь люди беспощадны друг к другу?» [6, с. 46–47].

Полифония жестокости социального охватывает также *детство и юношество*: отчуждение, тяжелые социальные условия, отсутствие любви и заботы ожесточают детей и подростков, а могут взрастить в них злых монстров. Так, *Трумен Капоте* в своем романе «Хладнокровное убийство», основанном на реальных событиях, произошедших в штате Канзас Соединенных Штатов Америки в 1959 году, иллюстрирует невероятную жестокость двоих молодых мужчин, убивших семейство *Клаттеров* и сформированных социальными отношениями озлобленными и ощущающими себя обделенными, терзаемыми resentimentом (комплексным чувством, состоящим из обиды на общество, ощущения собственной слабости, чувства враждебности по отношению к сильным и успешным). Помощник капеллана *Вилли-Сорока* таким образом обращается к *Перри*, одному из дво-

их несчастных молодых мужчин, описываемых в романе «Хладнокровное убийство»: «Ты силен, но у твоей силы есть порок, и если ты не научишься с ним справляться, этот порок станет сильнее твоей силы и нанесет тебе поражение. Что за порок? *Бурная эмоциональная реакция, совершенно непропорциональная поведению*. Откуда? Откуда этот неразумный гнев при виде тех, кто счастлив или доволен жизнью, откуда это растущее презрение к людям и желание причинить им боль? Ладно, ты считаешь их дураками, ты презираешь их мораль, их счастье – источник *твоего* разочарования и негодования. Но ведь это страшные враги, которых ты носишь в самом себе, – временами они смертоносны как пули. Только пуля милосердно убивает свою жертву, эти же бактерии, если дать им повзрослеть, не убивают человека, но ведут в своем кильватере плавучую тюрьму для истерзанного и искалеченного существа: в его существовании еще есть огонь, но он едва теплится, поддерживаемый лишь голубыми язычками презрения и ненависти» [7, с. 68–69]. Трагизм ситуации главным образом вызван бездействием социальных институтов и социальных организаций, институтов гражданского общества. Сверх того, и дети, живущие в несчастье, и экзистенциально искалеченные в детстве взрослые люди стигматизируются и дискриминируются.

Выводы. Стремление к правам человека в модернизирующихся обществах, к которым относится и современное украинское общество, зачастую расценивается в массовом сознании этих обществ как детская наивность, а в обществах модерна – в качестве потребительской активности. Вопреки патетическим просвещенческим представлениям о правах человека как о некоей «вещи в себе», являющейся самодостаточным благом, *права человека* являются одной из главных «мишеней» жестокости социального; чем больше прав человека признано в позитивном праве, тем в более серьезные зависимости от государственной, экономической, образовательной, научной, религиозной и иной власти попадают акторы (как отдельные индивиды, так и социальные общности). в рамках возвышенных философско-правовых идей права человека субстанционально проистекают из абсолютных нравственных ценностей, в первую очередь из свободы, чувства долга (ответственности), равенства возможностей, справедливости, толерантности, уважения человеческого достоинства. Права человека и абсолютные нравственные ценности – это дар Бога или высшей реальности согласно естественно-правовым концепциям.

«Закрепощение» акторов через зависимости от возможностей и условий получения доступа к разнообразным формам удовольствий (душевному, сексуальным, телесным, интеллектуальным, материальным), реализации прагматичных потребностей, интересов и ожиданий порождается правами человека и является «ядром» проявлений жестокости социального во всех плоскостях и срезах социума. *Свобода* в обществе есть несвобода, поскольку в социальных факторах и социальных фактах она разбивается на права человека.

Чувства одиночества, безысходности, отчаяния, неверие в любовь, дружбу, счастье, успех (в гармоничном его понимании, исключая сугубо потребительское истолкование), верность и преданность любимого человека, родственников и вообще близких людей являются *доминантами в экзистенциальном состоянии людей*, которые не только на бессознательном уровне ощущают и чувствуют, но и на уровне своего сознания понимают и рефлексируют жестокость социального во всей ее разветвленной полифонии.

Стратегии выживания и адаптации индивида в социуме предполагают сокрытие им многих своих душевных качеств ради их сохранения, а вообще данные стратегии рассчитаны на утрату индивидуумом собственной экзистенциальной самоидентифицированности, смещающейся в лучшем случае в человеческое бессознательное, а в худшем случае – в небытие. *Трагизм ситуации* поразительно усиливается тем, что сфера близких

межличностных отношений, включающая в себя и сексуальные отношения, превращается по большей части в одну из функциональных подсистем рационализированной всеобъемлющей социальной системы, образующей общество. Социализация ошеломляюще изымает из человека его душу, превращая его в единицу, не обладающую свободой воли, свободой выбора и свободой действий. Данные процессы зародились в современных обществах, распространяются в модернизирующихся обществах, но они в разной степени встречают сопротивление в тех этнических культурах и тесно связанных с ними религиозных конфессиях, которые вовлечены в глокализацию (автономизацию, регионализацию) больше, чем в глобализацию (например, арабские, тюркские, восточнославянские культуры, а также ислам, православие, старообрядчество). При этом *модерность общества*, пусть и в различных формах несвободы в сущем, предполагает свободу в качестве должных нравственных ценностей и прав человека в правовой, политической, культурной, философской и научной, религиозной, экономической, межличностной и других сложных составляющих общества.

Значимые теоретико-методологические перспективы настоящего исследования состоят в следующем:

1) выявление на основе возможностей кибернетики (вместе с задействованием математико-статистических конструкторов теории информации) мер информационной энтропии (информационной хаотичности) в социальных коммуникациях между властными и самоорганизационными структурами общества по поводу понимания содержательных смыслов нравственных ценностей и прав человека;

2) структурирование истоков и факторов жестокости социального в ракурсе анализа достижений и изъянов процедурной демократии, наиболее институционально-организационно и инструментально оформленной в рамках англо-американской правовой системы;

3) диагностика тотальных и наиболее болезненных форм проявления полифонии жестокости социального в ракурсе выявления корреляций между данными формами, с одной стороны, и факторами, фактами, характеристиками и формами проявления социальной значимости-незначимости прав человека в различных обществах – с другой стороны.

Список использованной литературы

1. Херпфер К. Новый индекс демократии. Демократизация общественности в пятнадцати государствах Европы (1991–1998) /Кристиан Херпфер //Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 3. – С. 123–150.
2. Набоков В. Лолита /Владимир Набоков ;пер. с англ. автора. – СПб. :Азбука-классика, 2010. – 416 с.
3. ВИЧ-аут /Жизнь с ВИЧ//Парни ПЛЮС [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<https://parniplus.com/hiv-life/vich-aut/>.
4. Seidman S. The social construction of sexuality /Steven Seidman. – 3rd edition. – New York :W. W. Norton & Company ;London :W. W. Norton & Company, 2015. – 301 p.
5. Брэдбери Р. Смерть – дело одинокое /Рэй Брэдбери ;пер. с англ. И. Разумовской, С. Самостреловой. – М. :Эксмо ;СПб. :Домино, 2010. – 384 с.
6. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту /Рэй Брэдбери ;пер. с англ. Т. Шинкарь. – М. :Эксмо ;СПб. :Домино, 2013. – 240 с.
7. Капоте Т. Хладнокровное убийство /Трумен Капоте ;пер. с англ. М. Гальпериной. – СПб. :Азбука-классика, 2008. – 480 с.

THE POLYPHONY OF CRUELTY OF SOCIAL ASPECT**Illia Dyshlevyi***e-mail: dyshlevyi@gmail.com*

The article considers basic levels of human rights transformations as social value and juridical-political concept into foundations of opportunities and conditions, that narrow down (or even sometimes exterminate) social interests, expectations and values as by separate personalities as at social communities. On this basis, the author has introspected the values and existential origins. He has also introspected moral and depth anthropological meaningful meanings of human rights. The cruelty of the ensemble of inequality relations, that creates the social aspect deprives often the author in modern societies the real provision of human rights and deep moral positions in general. Three levels of the polyphony of the cruelty of the social aspect are singled out and conceptualized, where the social objects are substantially limited and self-determined: social and law; social and political; interpersonal, including sexual, sphere of social relations. Special attention is paid on level of close interpersonal and sexual connections in societies.

Key words: human rights, cruelty of social aspect, social connections levels, modern societies (societies of modern aspect), modernizing societies, social values, freedom, love.